

Соханская Надежда Степановна

**Автобиография Н.С. Соханской
(Кохановской)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Н17

Н17 **Надежда Степановна С.**
Автобиография Н.С. Соханской (Кохановской) / Соханская Надежда Степановна – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 195 с.

ISBN 978-5-519-75029-5

ISBN 978-5-519-75029-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

видѣть пропасть подъ своими ногами, вы скажете „туда!“—я иду!.. Я не могу сегодня писать болѣе... И я никогда не увижу васъ, не сожму вамъ руки, и вы не услышите моего: *благодарю!*“ (письмо 9 марта).

И Соханская немедленно занялась составленіемъ записокъ о своей жизни и писала Плетневу: „Вы хотите знать подробно обо мнѣ: кто я? какъ я?—позвольте. Я вамъ представлю, по возможности, полный и вѣрный отчетъ о моей жизни. Понимаю, что для васъ мало однихъ внѣшнихъ обстоятельствъ; вы хотите заглядывать глубже въ человѣка,—и я удовлетворю вашему благородному любопытству. Да! я разверну предъ вами внутреннюю мою жизнь, ощущенія духа,—это будетъ залогомъ моей къ вамъ неизмѣнной преданности и того глубокаго уваженія, которыми я полна къ вамъ“ (письмо отъ 29 марта).

Составленіе записокъ о себѣ, однако, затянулось. Матеріальное положеніе Соханской въ это время было трудное. „Въ наше помѣщичье время (писала она другому лицу)—проходилъ годъ иногда, а мнѣ не на что было спать и одного спичевого платья, и я за своими литературными писульками сидѣла въ слезахъ, не имѣя копѣйки за душой, чтобы переписать ихъ и послать на почту“. Плетневъ между тѣмъ нетерпѣливо ждалъ общаго; въ іюнѣ онъ уже напоминалъ Соханской: „Вы сказали, что скоро удовлетворите любопытству моему и познакомите меня со всѣми подробностями жизни своей... Однако, ни въ апрѣлѣ, ни въ маѣ ничего отъ васъ не было прислано“. — Соханская рѣшилась посылать ему свои записки по частямъ, и въ тотъ же мѣсяцъ (26 іюня 1847 г.) послала ему тетрадь своихъ воспоминаній, не придавая имъ ни значенія, ни заглавія.

Прочитавъ первую тетрадку, Плетневъ нашелъ ее *въ высшей степени занимательною* и немедленно отвѣчалъ: „Я съ вами прожилъ нѣсколько времени, и это время принадлежитъ къ самымъ пріятнымъ для меня воспоминаніямъ. Благодарю васъ: вы сдѣлали для меня то, что я обязанъ еще заслуживать. *Автобіографія* ваша есть образецъ ума, воображенія, вкуса и граціи. Вамъ болѣе, нежели кому-нибудь, извѣстно, что я не льстецъ; зато и правду я люблю говорить съ чистымъ увлеченіемъ. Пройденный вами періодъ жизни вашей изложенъ такъ полно, такъ непринужденно, такъ занимательно, что я не могу не умолять васъ о продолженіи этого труда. Но оконченность принятой работы зависитъ отъ искренности разсказа. Для отвращенія всякаго въ этомъ затрудненія, я и вамъ не совѣтую

пускать въ гласность игривый трудъ свой... Но умоляю васъ написать ко мнѣ (если невозможно разъ въ недѣлю) два раза въ мѣсяцъ“ (письмо отъ 1 сентября).

Соханская была изумлена похвалами Плетнева. „Знаете-ли, какъ мнѣ грустно? отвѣчала она. Вы составили обо мнѣ какое-то преувеличенное понятіе. Видитъ Богъ, я этого не хотѣла и не хочу. Я—простая, деревенская, всеневная дѣвочка“. Въ смущеніи она была готова прекратить переписку. Потомъ она подумала, что Плетневъ шутитъ, и въ этомъ смыслѣ рѣшила помогать ему... Она называла просто „листкомъ женскаго маранья“ то, что Плетневъ называлъ „автобіографіей“; она видѣла въ своемъ очеркѣ только одно чувство и немного смысла, и не только вовсе не думала о печатаніи его, но даже о продолженіи въ рукописи. „Вы бы меня чрезвычайно обязали, еслибы сказали: довольно!“—Посылая при этомъ уже приготовленную вторую тетрадь, она просила: „У меня къ вамъ просьба, добрый Петръ Александровичъ, а вы ее исполните. Вы должны общать мнѣ: когда прочтете эту дрянную тетрадку, бросьте въ огонь ее и предшествовавшую ей, пожалуйста! Я такъ прошу васъ. Каминъ вашъ уже давно топится, итакъ позвольте мнѣ подарить вамъ крохотку свѣта и тепла“ (письмо 8 октября).

Но почти въ то же время (9 октября) Плетневъ писалъ ей: „Я съ нетерпѣніемъ жду продолженія автобіографіи вашей. Вы довели меня до интереснѣйшей своей эпохи—институтской жизни. Мнѣ очень хочется понять, что значить институтъ въ самой себѣ, дѣйствительно, безъ реверансовъ и уроковъ... Ваше описаніе прелести степеней я могу сравнить только съ тѣмъ, что объ этомъ же предметѣ слышалъ нѣкогда изъ устъ Пушкина.“

Нетерпѣливое ожиданіе Плетнева было удовлетворено самымъ блистательнымъ образомъ. Во второй тетради Соханская сильно выросла въ простотѣ, жизненности, яркости разсказа. Плетневъ былъ въ высшей степени восхищенъ и писалъ въ живомъ увлеченіи: „Въ лицѣ вашемъ судьба указала мнѣ существо неопѣненное, которое способно понять все прекрасное въ жизни и поэзии. И (скажу вашими словами) „я никогда не увижу васъ, никогда не сожму руки вашей!“ Примите же отъ меня заочно все, все, чѣмъ могъ бы наградить васъ растроганный отецъ, нѣжнѣйшій братъ... и даже тотъ счастливецъ, котораго нѣкогда изберетъ сердце ваше; примите заочно мое благословеніе, мою дружбу и ту святую любовь, которой не чуждаются и ангелы на небесахъ.“ Признавъ въ Соханской *рѣшительный талантъ*

поэтического творчества, Плетневъ говорилъ: „Чтеніе подобныхъ записокъ сильнѣе завлекло бы читателей и болѣе принесло бы имъ пользы, нежели тѣ хваленныя ениги, которыми теперь свѣтъ занимается... Нѣтъ надобности бросать въ огонь эти записки. Онѣ хранятся въ особомъ пакетѣ, съ надписью: „Отослать послѣ моей смерти Н. С. Соханской въ Изюмъ.“ Далѣе Плетневъ считаетъ себя счастливымъ, что „безцѣнная Надежда Степановна“ приняла его въ кругъ своихъ знакомыхъ. „Я могу, пишетъ онъ, сдѣлаться достойнымъ ея дружбы своею жизнію и неизмѣнною любовію къ тому, чѣмъ ее Господь такъ отличилъ отъ прочихъ... Вы, какъ писательница, не должны походить ни на кого, а только на себя, подобно тому, какъ въ это сдѣлали въ своей біографіи. Вотъ что вамъ дала *истина*: она-то вознесла васъ до высочайшей и вѣчной поэзіи...“

Письмо это (отъ 4 ноября) еще болѣе прежняго удивило Соханскую и растрогало ее до умиленія. Вообще, вся переписка ея съ Плетневымъ такъ проникнута сердечною искренностію, что неотразимо увлекаетъ и читателя, и мы не ошибемся, если скажемъ, что въ литературѣ нашей (въ печати) еще не встрѣчалось примѣра *подобныхъ* дружескихъ отношеній.

Въ письмѣ отъ 2 марта 1848 года Плетневъ опять напоминаетъ: „А что дѣлаетъ окончаніе вашей біографіи? Это долгъ: вы не смѣете не расплатиться.“

Въ отвѣтъ на это Соханская послала ему третью часть своего разсказа и писала о ней: „Судите, довольно-ли я искренна. Такъ говорить—не говорить даже дочь съ отцомъ; этакъ, развертывая всѣ изгибы души, можно только исповѣдываться глубокоуважаемому, разумному, благородному другу; я исповѣдалась вамъ, Петръ Александровичъ“ (письмо отъ 15 марта).

Объ этой части автобіографіи Плетневъ отозвался съ полнымъ преклоненіемъ: „Она прекрасна во всѣхъ отношеніяхъ: смотрѣть-ли на нее, какъ на путь, вами пройденный, какъ на развитіе силъ души вашей и какъ на созданіе таланта вашего. Она до такой степени прекрасна, что мнѣ, вмѣсто уроковъ вамъ, надобно было бы просить у васъ ихъ себѣ. Вы обладаете всѣмъ: воображеніемъ, чувствомъ, умомъ, слогомъ и языкомъ, — и все это неподражаемо-самобытно, скажу безъ гиперболы—геніально!.. Если бы это былъ романъ, — современники поставили бы васъ на пьедесталъ и поклонялись бы вамъ.“ — Но при этомъ Плетневъ замѣтилъ, что у него неизмѣнное влеченіе—и въ людяхъ и въ романахъ—къ жизни мирной, святой, вѣющей благодатію

и очарованіемъ, а не къ порывамъ неукротимой воли и разрушительныхъ ощущеній, которыя развиты были Соханской въ ея первыхъ повѣстяхъ и отчасти въ разсказѣ о своей жизни дома по выходѣ изъ института. „Я не могъ, писалъ Плетневъ, безъ сладостнаго умиленія читать вашего возвращенія въ лоно мира и любви. При началѣ четвертой тетради автобіографіи постарайтесь развить, откуда возникло въ васъ столько требованій и раздражительности.“—Но Соханская на эту просьбу отвѣчала молчаніемъ.

Получивъ четвертую тетрадь автобіографіи, Плетневъ писалъ: „Интересъ вашихъ разсказовъ идетъ прогрессивно. Здѣсь ваша „Марья Ивановна“ превосходитъ все, что только на русскомъ языкѣ удавалось мнѣ читать о русскихъ барыняхъ-помѣщикахъ“ (п. 25 авг.). Отзывъ этотъ побудилъ Соханскую передать еще нѣсколько воспоминаній о „Марьѣ Ивановнѣ“ въ письмѣ своемъ Плетневу (9 сент.), которое осталось въ бумагахъ его и вѣроятно сохраняется его вдовой. Эта „Марья Ивановна“ была извѣстная въ то время въ Харьковской губерніи г-жа *Шидловская*, пользовавшаяся общимъ вниманіемъ (умерла въ 1855 году).

Наконецъ, въ октябрѣ 1848 года Соханская отправила послѣднюю часть своей автобіографіи. „Что мнѣ сказать о ней? писалъ Плетневъ 16 ноября. Я хвалилъ прежнія части. Не хочу повторять похвалъ своихъ: онѣ для нынѣшняго случая слабы и безцвѣтны... Вы умѣли такъ собрать черты внутренней жизни вашей и вставить ихъ въ рамку жизни внѣшней, что передъ этою картиной и лучшая похвала покажется пошлостію“.

Если эти отзывы Плетнева, писанные къ самой Соханской, читатель заподозритъ въ излишней любезности свѣтскаго человѣка предъ молодою писательницей, то пусть онъ послушаетъ, какъ выражалъ Плетневъ постороннимъ лицамъ свое восхищеніе отъ автобіографіи, и притомъ въ частной перепискѣ.

Вотъ что писалъ Плетневъ 22 октября 1847 г. своему ближайшему другу Я. К. Гроту подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ: „Вчера получилъ я отъ Соханской письмо и второй отрывокъ ея автобіографіи; онъ содержитъ въ себѣ время пребыванія ея въ харьковскомъ институтѣ. У нея талантъ удивительный. Никогда еще ни одинъ романъ не занималъ меня такъ, какъ описаніе это. Тутъ всѣ роды прекраснаго сосредоточены. Трогательное, сатирическое, легкое, комическое и даже поэтическое—все есть. И между тѣмъ въ изложеніи столько непринужденности, простоты, истины и свободы, что не оторвешься отъ чтенія. При свиданіи

нашемъ, это чтеніе будетъ для насъ обоихъ пріятнѣйшимъ препровожденіемъ времени“.

Черезъ два года по окончаніи автобіографіи, въ январѣ 1850 года, Плетневъ писалъ Жуковскому: „Съ давнихъ поръ была въ перепискѣ со мною по журналу одна изъ институтокъ харьковскихъ (Соханская), дѣвушка съ удивительнымъ умомъ и талантомъ. Никогда не выдавъ ея, я упросилъ, чтобы она составила для меня свою біографію, самую подробную и самую откровенную. Въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ она присылала мнѣ тетради этихъ разсказовъ, чудно-интересныхъ, оригинальныхъ и со всею увлекательностію написанныхъ. А ей не болѣе 23 лѣтъ! Если вы пріѣдете когда-нибудь сюда, мы прочитаемъ это. Жена моя страстно привязалась къ этому чудному существу заочно, какъ и я. Онѣ теперь переписываются, какъ нѣжныя друзья“.

Въ мартѣ того же года Плетневъ опять заговорилъ о Соханской въ письмѣ къ Жуковскому: „Если бы далъ Богъ увидѣть мнѣ васъ здѣсь не мелькомъ, а осѣдлымъ, мирнымъ жителемъ, познакомилъ бы я васъ съ талантомъ, совсѣмъ непохожимъ на эти характерныя явленія, которыя возникаютъ вслѣдствіе моды и начитанности. Есть у меня (по выраженію *Θ. Н. Глинки*) „знакомая незнакомка“, дѣвушка лѣтъ 23, выпешшая изъ харьковскаго института и живущая съ матерью и тѣткой на бѣдномъ хуторѣ близъ Изюма. Вотъ это—такъ явленіе изумительное!.. Ея автобіографія, по моему признанію, есть лучшее, что только явилось у насъ оригинальнаго въ послѣднія пять лѣтъ. Тутъ исчерпаны всѣ роды красоты и всѣ оттѣнки русской жизни. А сама она является такимъ неподражаемо милымъ существомъ, что не разстаться бы съ нею! Одну изъ этихъ тетрадей (описаніе жизни въ институтѣ) я препровождалъ для прочтенія къ Государынѣ Императрицѣ, и Ея Величество раздѣляетъ мое мнѣніе“.

Въ 1855 г. Плетневъ такъ же тепло отзывался о Соханской въ своемъ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому, а въ 1861 г. подалъ ему особую записку о ней, видимо для представленія Государынѣ Императрицѣ (*Маріи Александровнѣ*), которая Сама пожелала дать Соханской знакъ вниманія своего къ ея таланту¹. Въ концѣ декабря того же года Соханская удостоилась получить отъ Государыни драгоцѣнную брошку, а весною слѣдующаго года была призвана въ Петербургъ и имѣла честь быть представлена Императрицѣ.

¹ См. *Собраніе Плетневъ*, т. III, 1885, стр. 412, 493, 622 и 611.

Первое печатное извѣстіе объ автобіографіи Соханской появилось въ письмѣ Плетнева къ Жуковскому отъ марта 1850 г., напечатанномъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1870 (стр. 1304, № 7). Тогда же И. С. Аксаковъ и П. И. Бартеневъ пожелали было напечатать ее, какъ видно изъ ихъ писемъ къ Соханской. Но понятное чувство скромности не позволило ей напечатать автобіографію при жизни. Въ декабрѣ 1884 г. Н. С. Соханская скончалась. Всѣ оставшіяся послѣ нея бумаги перешли, по ея духовному завѣщанію, къ мужу племянницы ея Василию Григорьевичу Мозговому. Онъ нѣсколько лѣтъ собирался издать полное собраніе сочиненій ея и даже началъ было отдѣльное изданіе автобіографіи; но разлѣзды по службѣ, потомъ долгая тяжкая болѣзнь и наконецъ смерть его—остановили всякіе порывы. Изданіе автобіографіи прервано и свѣта не увидѣло¹. Теперь осиротѣвшее семейство предлагаетъ право изданія сочиненій Соханской вниманію любителей литературы и почитателей таланта ея (адресоваться можно: въ *Кіевъ Маріи Онуфриевны Мозговой, Ивановская улица, домъ № 57*). Пишущій эти строки считаетъ при семъ своимъ долгомъ сообщить *историческую* справку, извлеченную изъ подлинныхъ писемъ литераторовъ и журналистовъ къ Соханской. Еще въ 1862 году издатель *Отечественныхъ Записокъ* Краевскій заплатилъ ей за „Старину“ по 150 р. за листъ; И. С. Аксаковъ въ 1864 г. платилъ ей уже по 200 р. за листъ, за 6½ листовъ ея повѣсти „Рой Θεодосій Саввичъ на покой“ Аксаковъ прислалъ ей 1300 р. Автобіографія, по нашему убѣжденію, лучше „Роя“: она проще, естественнѣе, сердечнѣе. И ее слѣдовало бы напечатать со всею перепиской Плетнева съ Соханской. При автобіографіи сохранилось 69 писемъ Плетнева и его супруги, 23 письма Н. С. Соханской и двѣ ея первыя повѣсти: „Графиня Д.“ и „Мятель“. Гораздо большая часть писемъ Соханской къ Плетневу должна храниться у вдовы его А. В. Плетневой (въ С.-Петербургѣ). Въ автобіографіи 167 страницъ, въ 4 долю листа, *весьма убогистаго письма*.

Кромѣ автобіографіи, у наслѣдниковъ Соханской сохраняется множество разнородныхъ рукописей ея, съ которыми стоить хотя слегка ознакомить читателей, какъ по таланту автора, такъ и по содержанію самихъ рукописей. Это, во 1-хъ, черновыя и

¹ Въ настоящей книгѣ *Русскаго Обзорнія* (см. ниже) мы начинаемъ печатаніемъ эту интересную „Автобіографію“ и помѣщаемъ пока первую тетрадь ея. *Ред.*

бѣловыя рукописи ея собственныхъ сочиненій, какъ напечатанныхъ, такъ и не напечатанныхъ, *нерѣдко болѣе полныя, чѣмъ въ печати*¹; во 2-хъ, письма ея къ матери и братьямъ, представляющія собою весьма цѣнный источникъ для ея біографіи и литературнаго развитія; въ 3-хъ, черновые наброски нѣкоторыхъ ея писемъ къ разнымъ писателямъ и редакторамъ, говорящіе о ея литературныхъ отношеніяхъ и сочиненіяхъ, въ 4-хъ, очень много писемъ къ ней отъ журналистовъ; писателей, свѣтскихъ дамъ, родныхъ и знакомыхъ, составляющихъ болѣе или менѣе важный матеріалъ для ея біографіи, для исторіи литературы и для исторіи общественнаго быта почти за сорокъ лѣтъ (1845—1884), и, въ 5-хъ, нѣсколько тетрадей весьма разнороднаго содержанія: „Extraits“ изъ сочиненія Théophile Férrière, разборъ Юанны Д'Аркъ Шиллера, о Савинской сельской школѣ, разборъ Орлеанской Дѣвы въ переводѣ Жуковскаго, замѣтки о главныхъ лицахъ Шекспировскихъ пьесъ, очеркъ личности князя А. Д. Меншикова, по поводу сочиненій П. И. Мельникова, „Крымскія замѣтки“, нѣсколько газетныхъ корреспонденцій, *не напечатанныхъ*, три сказки: „Настасья прекрасная и Елена премудрая“, „Сказка про Яблоновскіе острова“ и „Царь-Волкъ“, и множество разныхъ дѣловыхъ бумагъ.

Изъ всѣхъ этихъ рукописей въ высокой степени интересны *письма* самой Соханской, къ кому бы она ихъ ни писала. Это—другая автобіографія ея. Понятно, что всего теплѣе и сердечнѣе ея письма къ роднымъ. И если устранить изъ нихъ нѣсколько мѣстъ чисто-семейнаго и личнаго характера, то всю остальную, бѣольшую часть не только можно, но и *должно* напечатать. Книжка ея писемъ была бы истинно-благодѣтельной для многихъ молодыхъ сердецъ. Сколько вѣры, сколько любви и самоотверженія было въ ея душѣ! Встрѣчаются такія мѣста, при чтеніи которыхъ невольно осѣняешь себя крестнымъ знаменіемъ и молишься объ упокоеніи души ея. Кажется, свѣтъ Божій просвѣтитъ, если раздастся ея задушевное слово: табалъ въ немъ свѣжестъ и спокойная ясность души. Наше читающее общество вовсе не знаетъ Соханскую *какъ человека*. Изданіе переписки ея познакомило бы съ нею и послужило бы отличною рекомендаціей къ успѣху ея произведеній. О ея письмахъ можно

¹ Особенно въ повѣсти „Сосѣди“, „въ Гайкѣ“, „Послѣ обѣда въ гостяхъ“, въ „Словесной крохѣ хлѣба“, „Ровъ“ и въ „Старинѣ“ (цѣлая глава, неизвѣстная въ печати). Есть и драма „*Крижа невѣсты*“, заимствованная изъ ея „Галлерей портретовъ“.

выразиться ея же словами, сказанными объ американскомъ писателѣ Эмерсонѣ, философѣ и поэтѣ. „Это такая прелесть, глубина, свѣтъ изнутри себя, осіявающій все ваше личное чело-вѣческое естество! Когда читаешь его сочиненія, вырастаешь тогда въ невообразимую мѣру духовнаго роста“. Соханская въ письмахъ своихъ напоминаетъ Эмерсона. Вѣрующая, свѣтлая, увлекающаяся душа ея сквозитъ рѣшительно во всемъ, во всякомъ письмѣ ея къ близкому или родному лицу. Повторяемъ: за немногими исключеніями интимнаго характера, письма ея, написанныя съ такимъ талантомъ, должны составлять общественное достояніе; они такъ умны, такъ сердечно хороши, что изданіе ихъ является неотложнымъ долгомъ. Вотъ почему весьма желательно, чтобы всѣ бывшіе ея корреспонденты и корреспондентки возвратили ея наслѣдникамъ письма ея къ нимъ, хотя бы на время, для снятія съ нихъ копій, или въ обмѣнъ на свои.

Знаете-ли вы сердечныя строки блаженнаго Іеронима Стридонскаго († 419) о письмахъ? Ихъ кстати вспомнить теперь. „Всякій разъ, когда знакомый почеркъ переноситъ меня къ представленію вашего милаго лица, мнѣ кажется: или я не нахожусь здѣсь, или вы здѣсь присутствуете. Вѣрьте любви, говорящей истину: когда я писалъ это письмо, я видѣлъ васъ... Письма—это единственная вещь, которая людей отсутствующихъ дѣлаетъ присутствующими. Пишите же мнѣ. Если вы любите меня, пишите въ удовлетвореніе моей просьбы; если сердитесь, пишите хоть въ сердцахъ. Для меня и то будетъ большою отрадой, если получу письмо друга хотя и негодующаго. Быть можетъ, вы приведете свойственное всегда лѣности извиненіе, что вамъ нечего писать, ну въ такомъ случаѣ то и пишите, что вамъ нечего писать“.

Помните-ли вы прекрасныя слова князя П. А. Вяземскаго о значеніи писемъ замѣчательнаго лица? Они сказаны 30 лѣтъ назадъ, и мы приведемъ ихъ теперь.

„По мнѣ, въ предметахъ чтенія нѣтъ ничего болѣе занимательнаго, болѣе умилительнаго, какъ чтеніе писемъ, сохранившихся послѣ людей, имѣющихъ право на уваженіе и сочувствіе наше. Самыя полныя, самыя искреннія записки не имѣютъ въ себѣ того выраженія истинной жизни, какимъ дышутъ и трепещутъ письма, написанныя бѣглою, часто торопливою и разсѣянною, но всегда, по крайней мѣрѣ на ту минуту, проговаривающеюся рукой. Письма—это самая жизнь, которую захватываетъ по горячимъ слѣдамъ ея... Жизнь нетронутая и нетлѣнная,

такъ сказать, еще теплится въ остывшихъ чернилахъ. Но при этой сладости и свѣжести впечатлѣнія есть и глубокая грусть, которая освящаетъ это впечатлѣніе и тѣмъ придаетъ ему невыразимую прелесть. Тутъ предъ вами жизнь, но вмѣстѣ съ нею и осязательное свидѣтельство ея безнадежности, ея несостоятельности. Всѣ эти заботы, радости, скорби, эти мимоходныя исповѣди, надежды, сожалѣнія, все это и самыя лица, запечатлѣвшія ихъ, за скрѣпой руки и души своей, все это давно увлечено потокомъ времени, все это сдано въ архивъ давно минувшихъ дѣлъ, или вовсе предано забвенію и въ жертву настоящему“...

Подобную сладость впечатлѣнія и подобную прекрасную грусть вы непременно испытаете и при чтеніи автобіографіи и избранныхъ мѣстъ изъ писемъ Надежды Степановны Соханской.

Ст. Пономаревъ.

17 марта, 1896 г.
Кіевъ.

АВТОБІОГРАФІЯ

Н. С. СОХАНСКОЙ (КОХАНОВСКОЙ).

(Род. 1823 г. февраля 17; сконч. 1884 г. дек. 3.)

I.

„Вамъ опасаться меня нечего, потому что для меня святѣ всего каждое истинное движеніе сердца человѣческаго.“

Плетневъ.

(Изъ письма его къ Н. С. Соханской
отъ 8 февраля 1847 г.).

Мнѣ надобно имѣть эти слова передъ глазами, чтобы до конца высказать вамъ, если это вамъ угодно, мою простую безузорную сказку. Чѣмъ она можетъ занять васъ? Единственно только развѣ тѣмъ, что это сказка о человѣкѣ, и она истинна. Не зная, какъ благодарить васъ, я хотѣла выразить вамъ мою преданность и общала полное развитіе моей жизни,—извольте его.

Мой папенька былъ родомъ изъ Черниговской губерніи — дворянинъ; но у него не было никакого состоянія, рѣшительно никакого. вмѣстѣ съ другими братьями, папенька уступилъ отцовское имѣніе матери и двумъ сестрамъ и пошелъ искать доли по бѣлу свѣту. Сперва онъ служилъ въ какой-то палатѣ въ Харьковѣ; но около того времени, когда начали шумѣть войны седьмого и осьмого годовъ, папенька вступилъ въ Глуховскій кирасирскій полкъ, что теперь, кажется, его высочества Михаила Павловича. Здѣсь онъ оставался до самой кончины. Въ двѣнадцатомъ году и потомъ, во всѣхъ войнахъ за-границею, папенька былъ казначеемъ. Сотни тысячъ прошли черезъ его руки; но, благодаря Бога, не зацѣпились въ нихъ. Когда маменька была помолвлена, кричали, что она выходитъ за богача; свои офицеры клялись, что у него, по крайней мѣрѣ, семь-